

КРАЕВЕДЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Газета для тех, кто любит наш край и хочет знать его историю

Приложение к газете "Вперед", № 30, апрель 1997 года

К 850-летию Москвы

Имя историка Василия Осиповича Ключевского (1841 - 1911) широко известно. Автор "Курса русской истории" и многих других исторических работ был и блестящим лектором. О лекционном мастерстве его сохранилось много свидетельств. Сегодня мы предлагаем одно из них. В "Записях разных лет" художник Л. О. Пастернак, отец знаменитого поэта, дает яркий портрет Ключевского-лектора, каким он видел его в Московском университете и позднее в Московском училище живописи, ваяния и зодчества.

Л. ПАСТЕРНАК

В. О. Ключевский - лектор

Когда на первый курс юридического факультета слава Ключевского как профессора и ученого, как крупнейшего тогда русского историка уже успела укрепиться.

Отправляясь на первую его лекцию, я, признаться, никак не ожидал, что придется с таким трудом протискиваться сквозь толпу студентов, пришедших "слушать Ключевского". Огромная аудитория юридического факультета быстро наполнилась студентами и других факультетов, она сразу была попросту забита народом. На лекциях (...) Ключевского буквально булавке упасть негде было: сидели в амбразурах, на подоконниках, на ступенях амфитеатра, а перед кафедрой - всюду сплошь все было заполнено студентами почти всего университета.

Плотная стена сидевших и стоявших передо мной людей заслоняла переднюю часть аудитории, и только когда Ключевский поднялся на кафедру, я впервые, наконец, увидел его. Как описать это первое впечатление? Сколько ни говори, как ни старайся описать - все выйдет неясно. И кажется мне, что только портрет - не словесное изображение - может дать некоторое представление о человеке. С первого же мгновения Ключевский обворожил меня. (...)

Как передать мое впечатление, которое произвел Ключевский, когда во время лекции он, как бы охотясь,

настигал нужное ему историческое лицо или событие и подносил огромной аудитории еще живым, еще трепыхающимся, не шадя и подвергая его по пути самому жестокому и интереснейшему анализу? Как передать его манеру держать корпус, как описать его особенный, несколько гортанный, с каким-то придыханием, выговор, легкую и ласковую певучесть голоса его, когда, произнося славянские цитаты, переносил аудиторию в шестнадцатый век?

Необыкновенный, гениальный историк умел наэлектризовать своим живым и красочным, искрящимся рассказом всех жадно его слушавших. Когда я, восхищенный и очарованный им, сидел в битком набитой аудитории и слушал его художественный, образный рассказ о жизни, характере и событиях русской земли в древние века, мне и не снилось, что через какие-нибудь 10 - 12 лет мы будем коллегами по Московскому училищу живописи, ваяния и зодчества; и он, и я оказались преподавателями Училища; и он, и я любили Училище; и он, и я любил, что мне удастся написать его портрет в художественной обстановке Училища! (...)

В 90-х годах в улучшенном реформированном уже Училище живописи был принят новый устав, давший возможность провести некоторые изменения и увеличение в штате преподавателей. Директору князю Львову уда-

Л. Пастернак.

"В. О. Ключевский." Эскиз к портрету. 1908 г.

лось тогда же привлечь к чтению лекций по русской истории и профессора Ключевского. В атмосфере Училища Ключевский очень хорошо себя чувствовал. Ключевский - сам большой художник и мастер слова - любил новых учеников своих, молодых художников. Университет он, видимо, не очень любил; сужу по тому, что бросив читать там, продолжал с большой охотой, почти до конца своей жизни, читать лекции у нас в Училище и в Троице-Сергиевской лавре. Не только ученики, преподаватели и художники всех мастерских и классов нашего Училища, но даже и посторонние люди, конечно с разрешения самого Ключевского и директора Училища, переполняли круглый красный актовый зал, когда там читал Ключевский. Рассказывая, ходил он, по обыкновению, вокруг стола, несколько подаваясь вперед корпусом, подбоченясь левой рукой (возможно, страдал от болей в пояснице); останавливался, опира-

ясь о стол правой рукой, делал паузу. И вдруг быстрой скороговоркой - вопрос-загадка, обращенный к слушателям, и также внезапно - неожиданный оборот: свой ответ. Такими оригинальными, не свойственными обыкновенным лекторам приемами он разнообразил свой и без того уже захватывающий рассказ (именно не "чтение лекции") и создавал живую связь со слушателями, давал им возможность легко следовать за собой и переноситься в эпоху, им описываемую.

Человек чистейшего старорусского стиля, с этим ясным выражением глаз, с этой чисто русской речью, он

как бы олицетворял представителя русского образованного общества, постепенно развивавшегося с семнадцатого века. Как передавали мне самые близкие его родные, был он на самом деле из инородцев (черемисов или чувашей, не помню). Отец Василия Осиповича был уже крещен, а впоследствии стал православным священником.

Я писал портрет Ключевского в 1909 году. Не помню, к сожалению, где находится письмо Василия Осиповича по поводу этого портрета. Сколько помнится, никто, кроме меня, не писал его; я счастлив, что мне удалось запечатлеть черты гениального русского историка, оставить эту художественную память нашему народу.

Когда я впервые увидел Ключевского, он показался мне непередаваемо своеобразным и незабываемым. Впечатление это не изменилось и потом, когда мне часто приходилось видеть его и с ним разговаривать.

Я изобразил Ключевского читающим лекцию, в обстановке нашего Училища, в нашем замечательном актовом зале, среди статуй и картин, украшавших этот высокий красивый круглый красный зал.

Рядом с залом была расположена канцелярия Училища, она же учительская, где во время перерыва учителя покуривали. Странно было видеть этого "древнерусского" человека (особенно типичным казался он мне, когда зимой приходил в медвежьей шубе с меховым "божарским" воротником), с современной папироской, которую он как-то по-особому держал в руке. (...) Во время сеансов Василий Осипович много и интересно рассказывал. К сожалению, во время сеансов, да и после них, устав, я не записывал его рассказов тут же. Потом они постепенно забывались...

Необходимо заметить, что В. О. Ключевский читал лекции в Московской духовной академии, которая с 1814 года располагается в стенах Троице-Сергиевой лавры. 36 лет он возглавлял кафедру русской гражданской истории (1871 - 1906). С конца 1905 г. у Ключевского начались столкновения с руководством, и в сентябре 1906 года он подал в отставку, оставшись только в звании почетного члена академии.

Материал подготовила
Т. СМЕРНОВА.

Краеведческий календарь

АПРЕЛЬ

3 АПРЕЛЯ 1972 ГОДА, 25 лет назад, художнику Николаю Ивановичу Барченкову было присвоено звание "Заслуженный художник РСФСР". Первым из наших художников-земляков он получил это высокое звание.

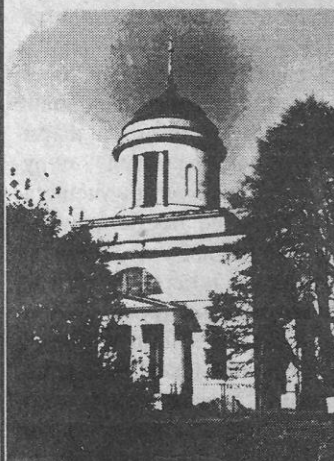
10 АПРЕЛЯ. 180 лет со дня рождения русского публициста, историка, филолога и поэта Константина Сергеевича Аксакова (1817 - 1860), сына Сергея Тимофеевича Аксакова. Выступал за отмену крепостного права при сохранении самодержавия. Был иде-

ологом славянофильства.

29 АПРЕЛЯ. 100 лет со дня рождения конструктора стрелкового оружия Георгия Семеновича Шпагина (1897 - 1952). Создал крупнокалиберный пулемет (ДШК, совместно с В. А. Дегтяревым, 1938), пистолет-пулемет (ППШ, 1940) и др. Работал в КБ ЗЭМЗа.

Более подробный материал о знаменитом конструкторе и его работе на ЗЭМЗе читайте в следующем номере "Краеведческого вестника".

В 1997 году исполняется 150 лет Крестовоздвиженской церкви в селе Воздвиженское.
Фото Н. СОЛОВЬЕВА.

Комитет по проблемам культуры,
библиотека имени А. Горловского,
литературное объединение "Свиток"

ПРИГЛАШАЮТ

на творческий вечер Лидии Сергеевны ДИНУЛОВОЙ

ГОЛОС СЕРДЦА

Вечер состоится сегодня, 5 апреля, в библиотеке имени А. Горловского.
Начало в 14 часов

Клуб любителей истории
и краеведения "Хронос"

СОБИРАЕТСЯ

в Красной гостинной библиотеки
имени А. ГОРЛОВСКОГО
в 1-й и 3-й четверг каждого месяца
с 10 до 13 часов.

Много выставок хороших и разных

Не знаю, как другие провинциальные города, а наш Сергиев Посад "избаловал" своих земляков разнообразием выставок. Музеи города не дают нам скучать, извещая об открытии то одной, то другой экспозиции. О каком угасании культуры может идти речь, когда вокруг столько творческих открытий.

В историко-художественном музее-заповеднике работает сейчас чудесная выставка "Евгений Тарабин. Изразцы из Ярославля", готовится еще одна - об искусстве современного Города. В "Конном дворе" полномасштабной выставкой работ учеников и преподавателей отметила свой 30-летний юбилей детская художественная школа, готовится новая выставка произведений художников Секрета, Харченко, Леонова. В музее игрушки открыта выставка "Мир на кончиках пальцев", раскрывающая разнообразные творческие возможности воспитанников дома слепоглохих детей.

Казалось бы, финансовые трудности должны нарушить выставочный ритм. Ан нет, вопреки денежным затруднениям, учреждения культуры, выбиваясь из последних сил, урезая себя во многом, экономя на самом необходимом, выдают "на-гора" выставки одна лучше другой.

Не отстают от музеев и коллективы поскромнее. Редакция газеты "Вперед", например, организовала выставку своего фотокорреспондента Алексея Ивановича Севастьянова, открывшую недавно в библиотеке имени Горловского.

Своей выставкой Алексей Иванович сказал громко и открыто слово "Люблю", выразив тем самым чувство, которое много лет таил в глубине души. Эта выставка - признание автора в любви к нашему городу, его обитателям, к природе, ко всему окружающему миру. Мне посчастливилось присутствовать на открытии, которое прошло в теплой, доброжелательной атмосфере, созданной совместными усилиями двух коллективов - редакции и библиотеки, и была я приятно удивлена, увидев среди друзей Алексея Ивановича многих посадских художников. Они дали высокую оценку работам фотомастера и выразили надежду, что подобные выставки станут в городе традиционными. А еще я подумала о том, что эта выставка могла бы стать началом портретной галереи граждан Сергиева Посада в будущей краеведческой экспозиции.

Среди приглашенных на открытие выставки был и член фотоклуба "Раdoneж" Георгий Петрович КОРНЕЕВ, чей отзыв о работе коллеги мы публикуем.

ХОЧУ НАЗВАТЬ ЕГО ФОТОХУДОЖНИКОМ

Фото А. СЕВАСТ'ЯНОВА.

"Речь товарища Г..."

Познакомившись с выставкой фотографий газетного репортера А. И. Севастьянова, с полным основанием хочу назвать его фотохудожником. Эта выставка - значительное явление в культурной жизни нашего города.

Особенно много удач у автора в труднейшем жанре психологического портрета. Перед нами - живые люди с их радостью и горем - горем матери, потерявшей на войне сына ("Мать солдата"), и триумфом преподавателя, окруженного любящими учениками... Это не постановочные снимки, а увиденное в реальной жизни и перенесенное на фотобумагу настроение.

Незаметный при беглом осмотре снимок "Тяжелая поступь навсегда ушедшего друга" потрясает своей глубиной. Наделенный воображением зритель подолгу стоит у этой работы с думой о прошлом и будущем. А это первый признак таланта автора.

Севастьянов - замечательный портретист. Его работы

"Слепой ваятель", "Пекарь", "Мне по зубам...", "Речь товарища Г...", "Даувальдер", "Театр кукол" - кульминационные моменты выставки. Сюда же можно добавить и "Беззаботное детство", и "Романтический сюжет".

Удаются автору и пейзажи. В работе, которую автор назвал "Ветераны", уходящее поколение контрастирует с вечно молодой природой. Автор тонко чувствует красоту и поэзию родной земли и умеет донести это чувство до зрителя.

Выставка - это фотогалерея работ зрелого мастера, тонкого художника, любящего людей и природу России.

"Я вас люблю" - название выставки. В ответ на эти вечные слова хочется сказать ее автору: "и мы вас любим", уважаемый Алексей Иванович, и желаем здоровья, новых творческих успехов и заслуженного признания коллег и зрителей.

Материал подготовила Л. ВАСИЛЬЕВА.

• НА КОНКУРС

"МОЯ РОДОСЛОВНАЯ"

Как-то я услышала интереснейшую притчу о том, как важно сохранить память своего рода. Надо сказать, эта притча просто потрясла меня. Оказывается, есть народы, у которых память рода хранится более чем в двадцати поколениях. Это же так замечательно - знать, откуда ты произошел, что было в дальних коленах твоих предков.

К сожалению, в нашем народе такого нет. Мало кто из нас расскажет что-либо о своих прадедах. А некоторые ничего не знают даже о своих дедах и бабушках. Плохо это. И хотя вина вроде бы каждый из нас за собой не чувствует (так, дескать, повелось, что же могу изменить я?), нельзя относиться к этому безучастно.

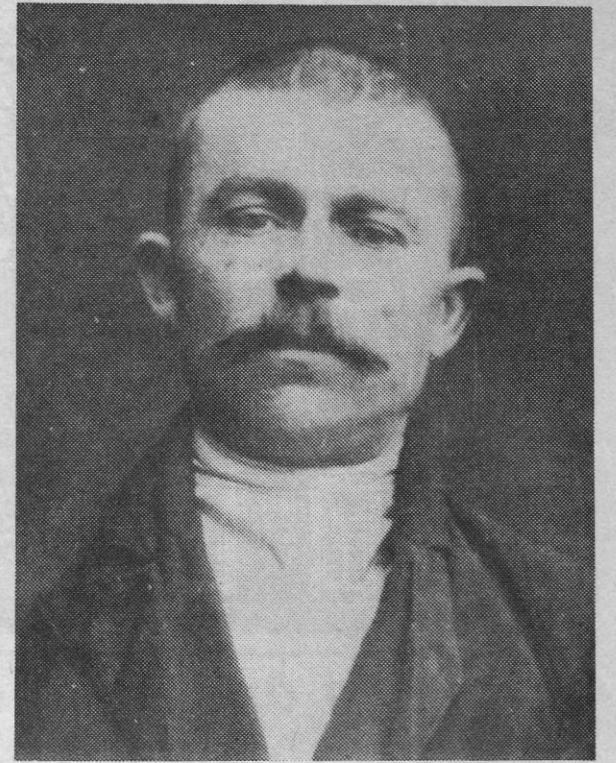
Я тоже, конечно, не блистаю знанием своего рода. Но все-таки всегда расспрашивала родственников о судьбе моих дедушек и бабушек. Люди они простые, что называется, от земли. Работали, кормили семью, к стати, не хуже окружающих. Правда, надо оговориться сразу же: перемена общественного строя в стране наложила положительный отпечаток на жизнь моих предков. В безграмотной крестьянской семье деда со стороны мамы две дочери получили образование: одна стала учительницей, а вторая - агрономом. Это было необычным явлением по тем временам. И дедушка Семен Васильевич был очень горд и счастлив этим обстоятельством. Ему откровенно завидовали его братья, у которых никто из детей, как говорили, не выбился в люди.

Но больше всего меня заинтересовала судьба моего деда со стороны отца - Башлакина Ивана Николаевича, родившегося и всю жизнь прожившего в селе Шарاپово, где и поныне старые люди скажут много добрых слов о нем.

Начну с того, что дед оказался единственным ребенком в семье, что по тем временам было большой редкостью (дед родился в 1884 году). Возможно, это обстоятельство позволило родителям дать ему небольшое образование. Он рано научился писать, читать, и уже с детства в нем обнаружилось неукротимое стремление к знаниям. Не было в округе человека более любознательного, чем Иван Николаевич. Он разыскивал книги самого разного содержания и прочитывал их от корки до корки. Какой-нибудь системы в чтении, конечно же, не было. Читал все, что попадало под руку. Ходил к священнику, самому грамотному человеку на селе, и уже в подростковом возрасте пытался спорить с ним на разные темы. Чаще он бывал в таких спорах, что называется, повергнут, но в голове многое откладывалось...

Рано Иван Николаевич научился играть на гармошке, и его приглашали на разные праздники в качестве музыканта. Веселый, находчивый, он был постоянно в гуще молодежи. Его уважали, к нему шли написать письмо или какое-то прошение. Вокруг него постоянно были люди, увивалась молодежь. Он нравился девушкам. Но сам Иван Николаевич пристрастился к дальней деревне Душишево первую красавицу Сашу. Нельзя сказать, чтобы гордая заносчивая девушка охотно отзывалась на ухаживания парня (дед был невысокого роста). Больше того, она вообще отказывалась от свиданий с ним. Но главную роль в судьбе девушек, как

Мой дед Иван Николаевич БАШЛАКИН

известно, тогда играли родители. Они выбирали мужей своим дочерям. А уж мой-то дедушка старикам нравился очень! Ведь у него было столько достоинств, которых не было у большинства деревенских парней! И они настояли на том, чтобы Саша стала женой Ивана Николаевича. Он привез ее в Шарاپово, в семью своих родителей. И началась трудная семейная жизнь, осложнявшаяся еще и ситуацией в стране.

Первым ребенком у них стала Катя, родившаяся в 1907 году. А потом дети посыпались один за другим, каждые два года. 15 человек родила бабушка. Правда, семеро из них умерли, а вот остальные выросли - четыре дочери и четыре сына. Забегая вперед, хочу сказать, что старшие дети - Екатерина, мой отец Иван Иванович, дядя Николай Иванович стали большевиками, принимали активное участие в общественной жизни. Отец получил высшее образование, работал директором средней школы. Дядя Николай Иванович выучился на зубного техника. Но не успели они познать, насладиться достигнутым. Оба погибли на фронте. Дядя даже и семьи не успел завести.

Но возвращаясь к деду. Надо сказать, семейная жизнь у него не была сладкой. И, как я теперь понимаю, причиной стала, как это ни странно, грамотность деда и авторитет его в округе. После установления советской власти он был назначен председателем Шараповского сельского Совета (возмож-

но, первым). Не надо, наверное, рассказывать о том, сколько времени отнимала работа в те тревожные годы. Председатель сельсовета был в ответе за все. И за атеистическую пропаганду (время было такое), и за воспитательную работу с молодежью, и за многие хозяйственные дела на селе. Целыми днями приходилось Ивану Николаевичу проводить на работе, нередко вызывали его в Сергиев. А ведь дома хозяйство, целая орава ребятишек. Конечно же, бабушке приходилось нелегко. К тому же она, видя мужа постоянно в окружении людей, вдруг стала проявлять ревность. Нередко дома на этой почве бывали скандалы. Но он продолжал работать.

Время шло. Началась коллективизация в районе. От председателей сельских Советов требовали списки людей, не желающих вступить в колхоз, а потом, как известно, эти люди исчезали на Соловках или в других подобных местах. К чести деда, надо сказать, что в Шарапове не было раскулачено ни одной семьи. Он как-то очень умело мог доказать, что та или другая семья живет своим трудом, и никак не может быть отнесена к категории кулаков. Очень нелегкое это было время. И оно не могло не отразиться на его здоровье. Иван Николаевич был еще совсем молодым, ему не было 49 лет, когда под грузом мешка с картошкой (возможно, уже 20-го за день) он упал с кровавой пеной на губах (открылось желудочное кровотечение)...

Похоронили деда на новом кладбище, где его могила была третьей. На том кладбище, место для которого, кстати, нашел он сам в двух километрах от Шарапова. Не всем, правда, это место поначалу пришлось по вкусу. Но только спустя несколько лет люди поняли, что не зря он в поисках именно этого места исколесил всю округу.

Теперь это кладбище знают многие в районе. Оно сухое, какое-то уютное (если можно так сказать о кладбище). Там захоронены тысячи людей, а тогда, повторюсь, могила деда была третьей...

Вот так схематично представила я жизнь своего деда, незаурядного, умного человека, незаурядного во всем. Дети его (теперь уж их осталось только трое и они все, конечно же, в почилom возрасте) вспоминают, как он умел доходчиво и просто ответить на любой их вопрос: как в то время, когда в стране запрещено было знакомство с творчеством С. Есенина, он тайком приносил книжечки со стихами поэта и давал читать детям, поясняя, как прекрасны эти стихи. Дед не дождался ни одного внука. А ведь нас у него десять и столько же правнуков. В наших жилах течет его кровь. И мы не забываем об этом никогда. Он много знал и умел, мой дедушка Иван Николаевич Башлакин. И я всегда с гордостью и огромным интересом слушаю рассказы о нем. Бываю на могиле его, кладу цветы в знак памяти и уважения.

Г. МАКСИМОВА-БАШЛАКИНА.

Семья Башлакиных. Снимок 1921 года.

Александр Иванович Куприн, как и многие другие русские писатели, любил бывать в Сергиевом Посаде - городе, связанном со значительными событиями отечественной истории. Здесь он работал с особым вдохновением и немало страниц своих произведений посвятил нашему городу.

По свидетельству жены писателя Марии Карловны Куприной-Иорданской, во второй половине января 1905 года Куприн уехал в Сергиев Посад, чтобы завершить работу над известной повестью "Поединок". Здесь к нему 10 февраля 1905 года и нагрянули с обыском.

Чем был вызван этот акт произвола царской охранки по отношению к писателю, который сам говорил: "Ничего ни к какой партии не принадлежал, не принадлежу и не буду принадлежать"? Куприн не занимался революционной деятельностью, так как считал, что она мешает писателю в работе. Когда же Горький попытался втянуть его в революцию, Куприн отшел от него.

Как мне представляется, сопоставление некоторых фактов позволяет ответить на этот вопрос.

Первые наброски повести были сделаны в 1902 году. Однако вплотную к работе над "Поединком" Куприн приступил весной 1904 года, в обстановке русско-японской войны, когда изображенные армии приобрели особую актуальность. Первоначально повесть предназначалась для журнала "Мир божий", но позднее автор решил опубликовать её в третьем номере сборника "Знания", издаваемом Горьким и Пятницким. Этот выпуск сборника посвящался памяти А. П. Чехова.

"Куприн даст повесть свою, "Поединок", - большая вещь", - сообщил Горький в середине июля 1904 года А. И. Бунину, приглашая его участвовать в чеховском сборнике. По мысли Горько-

го, "Поединок" должен был печататься рядом с "Красным смехом" Л. Андреева, так, чтобы заклеить войну и военщину. Но Куприн позвонил. Одной из причин опоздания была необходимость восстановить по памяти четырнадцатую главу, рукопись которой в числе других бумаг забрали жандармы во время обыска. И произведение увидело свет только в шестом сборнике в мае 1905 года.

Впоследствии эпизод этого обыска вошёл в рассказ "Мой паспорт", впервые опубликованный в столичной кадетской газете "Речь" 13 апреля 1908 года.

"Вижу я также на моем паспорте скромную пометку Сергиева Посада. Это Троицко-Сергиевская лавра. Я люблю этот уголок - осколок Москвы XVI столетия, эти красные и белые стены с зубцами и бойницами, ёрнический торг на широкой площади, расписные трюнные сани, управляемые ямщиками в поддевках и в круглых шляпах с павлиньими перьями. Купец, пожалуйста!... и блинные ряды, и бесконечное множество толстых, зобастых и сладострастных святых голубей, и монахов с сонными глазами, большим засаленным животом и пальцами, как у новорожденного младенца, огурчиком, и пряничных коней, и деревянных кукол - произведения балбешников, и помню еще многое другое.

Да. Но участвовать в великом празднике мне не удалось. За два дня до воскресенья Христова, в четыре часа утра, ко мне постучались. Я побегал босиком, почти голый, по длинному, холодному коридору (ибо я ждал тогда нетерпеливо известий от бесконечно дорогого мне человека) и, доверчиво отворяя дверь, спросил в восторге:

- Да? Телеграмма?

- Да, - ответили они, - телеграмма, - и вошли!

ОБЫСК У КУПРИНА

1) жандармский унтер-офицер Богущий Фома, 2) два городских дворника и пр. и 3) спустя 10 минут местный полицмейстер, местный жандармский ротмистр Воронов (холёное лицо, беспристрастность, небрежность и он все знает наперед), чахоточный околотошный, хозяин моего дома со смешной фамилией Дмитрий Донской, понятия.

- Ты его обыскал?
- Так точно, ваше-ссс...
- Вы можете одеться.

Но я ответил, что я привык всегда ходить дома только в одной ночной рубашке.

Потом он сел за мой письменный стол и начал рыться в дорогах мне писем, карточках, записных книжках. Я сел рядом с ним на стол. Это была также моя привычка. Тогда он любезно позволил мне взять стул. Но я намекал ему, что я, как хозяин дома, мог бы первым предложить ему то же самое. Словом, у нас сложились сразу довольно тяжелые отношения. Он был человек твердый и многосторонне образованный, он увидел в одной из моих записных книжек следующие знаки:

	-		-		-		-		-		-		-	
-		-		-		-		-		-		-		-
	-		-		-		-		-		-		-	
-		-		-		-		-		-		-		-

Он спросил:

- Да-с, а это что?

Я ответил, болтая ногами:

- Это, г.полковник, произошло вот как. Один начинающий, но, увы, бездарный поэт принес мне стихи. И я доказывал ему на бумаге карандашом то, что он начинает хореем, переходит в ямба и вдруг падает в трехсложное стихосложение.

- Я-я-я? - воскликнул он.
- Я-я-я-с? Это мы знаем, какой ямба! Богущий, приобщи.

Моя записная книжка пропала. И навеки.

Так чем же был вызван обыск?

И здесь мы должны коснуться других людей и событий.

М.Куприна-Иорданская предположительно связывает этот обыск с арестом (9 февраля 1905 года) в Москве на квартире писателя Л.Андреева десяти большевиков-членов ЦК РСДРП. Однако эта связь представляется несколько искусственной, хотя бы потому, что сам Куприн говорил о своём отрицательном отношении к какой-либо партии.

Обыск связан, по-видимому, с другой причиной, и причина эта, по всей вероятности, покушение на генерал-губернатора города Москвы великого князя Сергея

Романова, дяди последнего царя.

Ему предшествовало другое покушение - на министра внутренних дел В.К. Плеве, в котором принимали участие народолюбцы, а затем и эсеры Иван Платонович Каляев, Сикорский. А во главе этой террористической группы был Егор Сазонов.

Царский министр был убит 15 июля 1904 года бомбой, брошенной Сазоновым. Сазонов, оглушённый и раненый, тут же был схвачен полицией. Каляеву, шедшему за Сазоновым и выполнявшему роль бомбометателя-дублера, удалось остаться незамеченным. После взрыва он развернулся, медленно пошёл прочь, спрятав в услонном месте бомбу и в этот же день уехал из Петербурга в Киев.

Сикорский так неудачно прятал свою бомбу, что попался и тут же был арестован.

Позднее Каляев приехал в Сергиев Посад, по поддельному паспорту прожил там два месяца, а затем вернулся в Москву, где эсеры готовили новое покушение на великого князя Сергея.

Исполнить это намерение решил Каляев.

4 февраля 1905 года в Кремле, на расстоянии четырёх шагов, с разбега, Каляев бросил бомбу в карету

генерал-губернатора. Всё произошло так быстро и неожиданно, что охрана, находящаяся недалеко от взрыва, опешила. Каляев был ранен, его арестовали. Он не сопротивлялся.

Подробности взрыва были описаны в газете "Революционная Россия": "Взрыв бомбы произошел приблизительно в 2 часа 45 минут дня. Он был слышен в отдельных частях Москвы. Особенно сильный переполох произошел у здания суда. Все окна по фасаду были выбиты; судьи, канцеляристы попадали с мест. Когда все поняли - бросились к месту взрыва. На месте казни - куча из частей кареты, одежды, изуродованного тела. Зрелище было подавляющим."

Во время трагедии на Каляеве были сапоги с клеймом: "Магазин Моисеева в Сергиевском Посаде." Это клеймо вскоре было обнаружено при осмотре вещей арестованного.

Видимо, в Сергиевом Посаде и решили жандармы искать сообщников террориста. В городе начались обыски. Среди кого искать, если не среди недавно прибывших в Сергиев Посад.

Так, по-видимому, царская охранка и вышла на Куприна.

Насмерть перепуганный обыском хозяин потребовал, чтобы Александр Иванович немедленно освободил квартиру, и Куприн пересел в гостиницу.

И обыск и переезд выбили Куприна из рабочей колеи.

Но не помешали, добавим мы, закончить и опубликовать лучшее из его произведений, вызвавшее оживленный отклик у его современников и почти сразу же переведенное на все европейские языки.

Л.ПЕРМИНОВА,
краевед

"Ухожу я в мир природы..."

"Бесспорно, что крупных окуней удить весело (об огромных нечего и говорить)..."

Как вы думаете, к какому литературному жанру относится произведение, из которого взята эта фраза? Каждый, наверное, скажет, что во всяком случае это художественное произведение. Но вот другая фраза из той же книги: "Поводком называется острый небольшой привязок к лесе, к которому уже прикрепляется крючок".

Нет, пожалуй, это какое-то учебное пособие или инструкция.

Вот еще цитаты. "Не утверждаю, но мне сказывали, что в иных местах раки линяют два раза в год". "Про пескарей говорят рыбаки, что

они мечут икру по несколько раз в год; но это несправедливо".

Что такое? В инструкциях сомнения не допускаются. И полемике не бывает.

Но вы уже, конечно, догадались, что цитировала я "Записки об ужении рыбы" С. Т. Аксакова, и в заголовке вынесена строчка из аксаковского стихотворения, которое стало эпиграфом к этой книге.

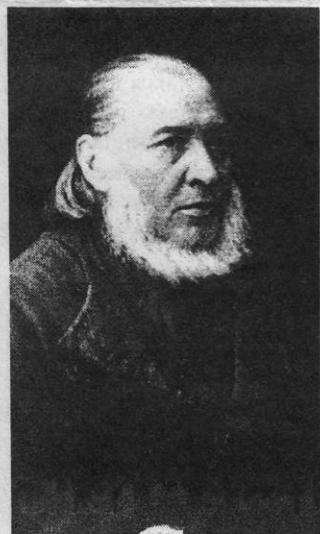
150 лет назад - в начале 1847 года вышли "Записки..." первым изданием. Написал их Аксаков на шестом десятке лет, после того как поселился в Абрамцеве. Вода в Воре была тогда чистая, и рыбы водилось много. А к рыбной ловле на удочку Аксаков пристрастился с детства. В Абрамцеве

на берегу Вори проводил он с удочкой долгие часы. Тут и возникла у него мысль написать об этом своем увлечении книгу.

Жанр, в котором она создана, сам автор обозначил как записки утверждая, "что она не трактат об ужении, не натуральная история рыб". Но, строго говоря, записки не обозначение жанра. Скорее всего здесь могло бы подойти французское слово - эссе, то есть прозаическое сочинение небольшого объема, выражающее индивидуальные впечатления и соображения по конкретному вопросу. "Записки..." можно рассматривать как серию эссе, ибо в них очень сильно выражено личностное отношение автора к предметам, им описываемым.

Эту особенность книги отмечал И. И. Панаев, написавший, что "она, может быть, даже для специалистов, для охотника удить не имеет такого значения, какое имеет для художника, для литератора". Хочется добавить: и для научного работника. "Простота в изложении", о которой говорил Панаев, заинтересованный, эмоциональный тон ее разительно отличаются от произведения от работ многих современных ученых, пишущих свои работы отстраненно, нарочито безразличным слогом, "обнаучивая" их массой иностранных слов.

Предлагаем небольшой фрагмент из книги С. Аксакова "Записки об ужении рыбы"

Карп или карпия

Карп - имя иностранное, а карпия - переделанное на русский лад. Говоря о сазане, я уже сказал, что он и карпия одна и та же рыба, с той разницей, что карпия в прудах имеет цвет не яркий, а серовато-грязный и не достигает такой огромной величины, как сазаны, водящиеся в больших реках и особенно в их устьях, при впадении в море; в Астрахани, например, улов сазанов бывает необыкновенно велик и замечателен как по множеству, так и по крупноте их. В самой Москве много водилось карпий в разных прудах, особенно в Пресненских и в прудах Дворцового сада, который ныне принадлежит Кадетскому корпусу. В окрестностях Москвы редко найдешь хороший пруд, проточный или непроточный, все равно, лишь бы довольно большой, в котором бы не были разведены карпии. В прудах, долго нечищенных и заглохших тиной, карпии переводятся; нередко дохнут они в прудах и оттого, что в продолжение долгих зим не заботятся о достаточном количестве ежедневных прорубей, отчего вода

сдыхается и портится. Карпии охотно клюют на земляного и навозного червяка. На удочке очень бойки и сильны, клюют больше со дна. Я не слыхивал, чтобы около Москвы попадались карпии на реках, пойманные же в прудах часто пахнут тиной, если дно в них тинисто. Впрочем, их можно так же, как карасей, сажать в прорезные сажалки, в проточную, свежую воду: они скоро потеряют запах тины и получат свой обыкновенный вкус. Карпии, разводимые в прудах, легко приучаются к прикормке в назначенный час и в назначенном месте; если во время их кормления звонить постоянно в колокольчик, то они так к нему привыкнут, что станут собираться на звон колокольчика даже и не в урочное время. Вероятно, и других рыб можно приучить к тому же. В Москве есть еще люди, которые помнят эту проделку в Нескучном саду, когда он принадлежал князю Шаховскому. Весьма недавно в Пресненских прудах водилось множество карпий очень крупных; народ любил кормить их калачами. В самом деле, это было

очень забавное зрелище: как скоро бросят калач в воду, то несколько из самых крупных карпий (а иногда и одна) схватят калач и погрузят его в воду; но, не имея возможности его откусить, скоро выпустят изо рта свою добычу, которая сейчас всплывает на поверхности воды; за нею немедленно являются и карпии, уже в большем числе, и с большей жадностью и смелостью схватывают калач со всех сторон, таскают, дергают, ныряют с ним, и как скоро он немного размокнет, то разрывают на куски и проглатывают в одну минуту. Все эти проделки провожал народ громкими восклицаниями и хохотом. Мне не удавалось удить много ни сазанов, ни так называемых карпий, но, по рассказам охотников, должно заключить, что это ужение, особенно в реках или больших прудах, очень приятно, добычливо и требует в то же время умения, осторожности и сачка, ибо крупная карпия - самая бойкая, сильная и неутомимая рыба.

В заключение я с грустью добавлю, что, спросив 30 школьников 10 - 11-х классов нашего района, читали ли они С. Т. Аксакова, услышала в ответ: "Нет, не читали". Не читали не только "Записки об ужении рыбы", но таких книг, как "Детские годы Багрова-внука" и "Семейная хроника".

Т. СМЕРНОВА.

• НА КОНКУРС

"Майна, легенды и быти земли подмосковной"

ПОД СЕНЬЮ СТАРЫХ ЛИП

Из истории окрестных селений

В трех верстах к югу от поселка Новостройка на обоих берегах реки Куньи можно видеть сейчас остатки большого селения. Именно так воспринимаются впервые попавшим сюда человеком деревья и чуть западнее, на горе за рекой, пруд, обсаженный липами. В 1958 году, когда я приехала по распределению работать на Новостройку, было еще чудо светлое - церковка, украшавшая весь окрестный пейзаж. Она стояла восточнее пруда, ближе к кладбищу. Перед крутым подъемом на большое поле, к пруду, из берегов Куньи бьют ключи. Я застала цветущие липы, сирень, несколько старых лиственниц, большое кирпичное строение. От местных жителей узнала, что селений тут два - Самойлово и Малыгино. Пойдешь на лыжах в сторону ли Гусевой дачи или за Кунью, в сторону Красной сторожки - обязательно увидишь самоеловские дома, старые липы, окаймляющие Малыгинский пруд на взгорье, причудливый силуэт старой лиственницы. Несколько лет назад в Самойлово еще зимовали люди. В морозные синие вечера поднимались струйки дыма над крышами. А сейчас замерли дома. Та же красота неопишима, так же исчерканы лыжными окрестные поля, но самоеловские старики перебираются на зиму к детям в поселок, и оживает Самойлово только летом. А в Малыгине не осталось ни одного строения, только кладбище принимает уопших.

В начале 1994 года я опубликовала в газете "Вперед" то, что удалось узнать из печатных источников об истории окрестных селений. Это были "Заметки о прошлом". За три года накопился некоторый материал, по черпнутый из бесед со старожилами. Поделясь тем, что показало особенно интересно.

На многие вопросы ответил мне Михаил Абрамович Ермолаев, 1913 г. р., проработавший в НИИХиммаше более сорока лет, бывший житель правобережной части Самойлово - Малого Самойлово. Он называет его Самойловым-1, это совпадает со сведениями "Статистико-экономического сборника", изданного в Сергиеве в 1925 году (в дальнейшем для краткости буду называть его просто "Сборник"). Там приведены данные о количестве домов Самойлово-1 и Самойлово-2. Они почти совпали с теми, что назвал Михаил Абрамович - около 30 и 38. Исторически же сначала возникло селение Самойлово Большое на левом берегу Куньи.

Об истории возникновения селения на правом берегу Михаил Абрамович рассказал так. Когда его отец был мальчиком, во время игр мальчишки левобережного Самойлово называли правобережные сумбатовскими. От стариков слышал, что некий барин (возможно, это был Сумбатов) выиграл несколько крестьянских семей в карты. Он купил монастырскую землю возле Самойло-

ва, на правом берегу Куньи, поставил шесть изб, перевез сюда крестьян. В "Историко-статистическом описании церквей и приходов Владимирской Епархии", изданном в 1895 году во Владимире (в дальнейшем для краткости буду называть его "Описанием"), есть сведения, что часть жителей деревни Самойлово - переселенцы из Тамбовской губернии. Если это так, то произошло это скорее всего до отмены крепостного права, до 1861 года.

Сам барин жил в Одессе. При подходе к Самойлову с севера справа на холме, который позднее срыли, стоял дом недалеко от брода, видимо, контора управляющего (моста тогда не было). Левее брода были бочаги, много рыбы водилось в них.

Об одесском барине сохранился рассказ односельчанина Михаила Абрамовича - В. П. Семенова. Его дед ходил в Одессу к барину пешком, видимо, с крестьянскими нуждами или отчетом о делах. Обратившись к барину, доставил от барина крестьянам деньги и подарки. Жители Большого Самойлово завидовали сумбатовским - барин не брал с них оброка. Жили в Малом Самойлово хорошо, держали скотину, те, что покрупнее, имели двух лошадей. Система обработки земли - трехпольная: пар, яровое и озимое поля. Яровые распахивали под овес, картошку, лен; озимое поле - под рожь и пшеницу. Землю делили по едокам. Если семья увеличивалась - женитьба, рождение ребенка, - раскорчевывали новую полосу. Это было уже после 1861 года.

В 1922 году приехал землемер, поставил граничные столбики между наделами. Колхозов долго не было. Власть собирали собрания по три раза в день, но народ идти в колхоз не соглашался. Сначала уговаривали вдов, а те кивали на хозяйства с мужиками. Душили налогами (единовременный, культурный и т. д.). Чтобы как-то заплатить их, мужчины подавались на соседние заводы, - Скоропусковский, Медников (район нынешнего Краснозаводска).

Малыгино в начале XVIII века было селом. В 1710 году владетель его князь Григорий Несвицкий построил здесь деревянную церковь во имя Казанской иконы Божьей Матери. К церкви были определены четыре человека - священник, дьячок, пономарь и просвирница. В то время в Малыгине находился "двор помещиков и 10 дворов людских". Это было время царствования Петра I. М. А. Ермолаев рассказал мне такую легенду. На малыгинском кладбище была деревянная церковь с четырехскатной крышей. От стариков он слышал, что эту церковь по обету построил человек, который попал в сильную бурю, тонул и обещал Всевышнему, если останется жив, построить храм. Церковь была возведена в честь иконы Казанской Божьей Матери. По документам, вместо построенной

Григорием Несвицким деревянной церкви была возведена в 1775 году каменная церковь с колокольней на средства подпоручика Остафьева. Остается неясным, то ли деревянная церковь осталась как кладбищенская и героем легенды был Г. Несвицкий, то ли позднее кто-то другой ее возвел.

Интересно отметить следующее: представители одних и тех же семейств занимались устройством храмов. Например, Несвицкие. Князь Григорий поставил Казанскую церковь в Малыгине; через 53 года в соседнем Иудинском приходе другой представитель рода, Лука Иванович, принял участие в постройке каменного храма взамен обветшавшей деревянной церкви. Он "подал вкладу - жженого кирпича 30000, да белого камня 400, и просил священника, чтобы вместо знамени Богородицы освятить приделный храм во имя Казанския Богородицы". Еще он "пожаловал образ в серебряном окладе с ризою кованую и венцом позлащенным, который в 1767 году по освящении церкви поставлен в храмовом месте". Из этих скудных сведений рождается множество догадок и гипотез о семейных традициях Несвицких.

Другой пример - Остафьевы (Остафьевы). Наверняка устроитель каменного храма в Малыгине и вложивший средства на постройку каменного храма в Парфенове в 1810 - 1813 гг. местный помещик Остафьев - представители одного семейства.

Возле церкви в Малыгине хоронили священников и вкладчиков на храм. Михаил Абрамович запомнил два надгробия - из черного и белого мрамора. Надпись на черном он не запомнил, на белом было указано имя покойной - это была потомственная дворянка Рагозинская. Умерла в конце прошлого века. Эту плиту я еще застала в конце 50-х годов.

Малыгинский приход состоял из деревень - Самойлово Большой, Самойлово Малой и Коворовой (Коврова). В конце прошлого века в них по клировым ведомостям (данные из "Описания") числилось 157 душ мужского полу и 186 женского, все православные. Часть прихожан деревни Коворовой - переселенцы из Ржевского уезда Тверской губернии. На Святой неделе, по рассказу Михаила Абрамовича, носили по деревням Святые иконы. Это были священник и его свита, - обычно молодые девушки. В каждой деревне была своя икона, ходили по домам, ставили на стол. В Коворове этот обряд совершался в понедельник, в Большой Самойлово - во вторник, в Малой - в среду. Принятое число деревьев в приходе - семь, и у каждой был свой черед, свой день недели. При церкви в Малыгине была открыта церковно-приходская школа. В 1892 - 1893 гг. в ней было 24 учащихся.

Село Малыгино перестало быть таковым в 1865 году. При послекрестьянском обустройстве земель его дома перевели в Коворово по взаимному соглашению помещицы Черкесовой и крестьян. Место, где стояло село, распахали.

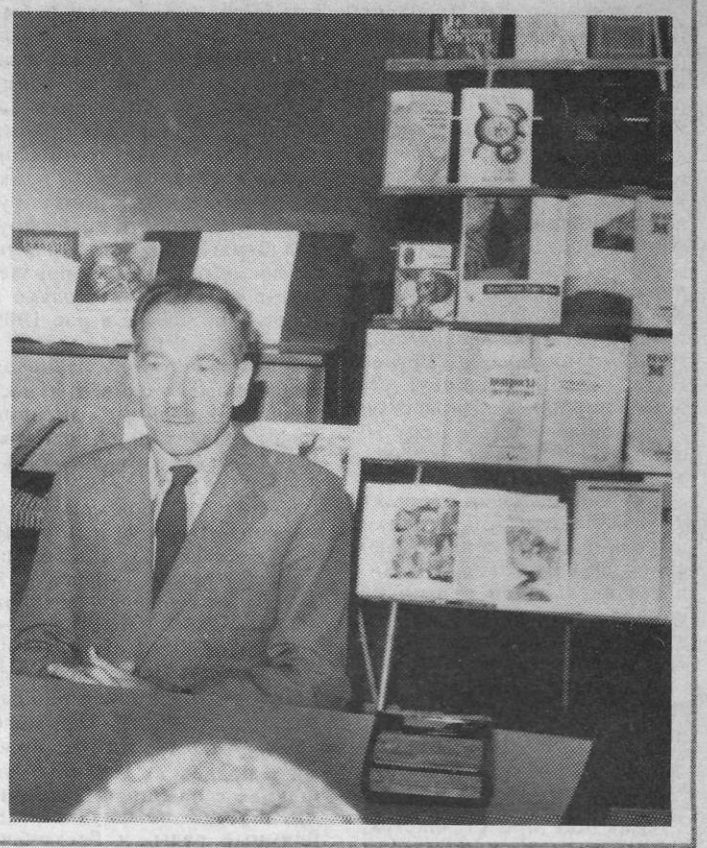
В. ЕВДОКИМОВА.
(Продолжение следует)

22 марта в библиотеке им. А. Горловского состоялась встреча с историком и писателем Андреем Никитиным. Он рассказал о малоизвестных и совсем неизвестных событиях культурной жизни Москвы первой четверти XX века, о тех представителях артистической, художественной и научной интеллигенции, которые стали духовными наследниками рыцарского Ордена тамплиеров.

Тем, кого интересует эта тема, советуем прочитать книгу "Дом окнами на закат". Это воспоминания Веры Робертовны Никитиной - матери писателя, которая вместе с мужем - известным театральным художником Леонидом Никитиным - была активным членом Ордена тамплиеров. Эту, а также другие книги, изданные Андреем Никитиным в серии "Семейный архив", можно приобрести в книжном киоске библиотеки им. А. Горловского.

На снимке: писатель Андрей Никитин.

Фото А. СЕВАСТЬЯНОВА.

"Рондо", "уточку", "скелетик"...

Рассказ о забытых вещах

А что, собственно, вы собираете? Нас часто спрашивают об этом жители города, узнав о том, что в музее-заповеднике создается краеведческий фонд. Ответить однозначно на этот вопрос трудно потому, что мы сами порой не знаем, какие ценные вещи хранят "бабушкины сундуки". Скажем только, что вещи, которые мы собираем, совсем не обязательно должны быть высокохудожественными. Их задача - рассказать будущим поколениям о времени, в которое они были созданы, о людях, которые их создавали или пользовались ими. Они должны отражать приметы прошлого: быта разных сословий, работу людей, их отдых... Перед нами поставлена задача - создать облик реальности, в которой жили наши предки: бабушки, прабабушки, пра-пра-пра... И чем глубже мы уйдем в прошлое, тем ценнее будет все то, что так или иначе его отражает.

А теперь продолжим рассказ о вещах, которые могут исчезнуть вместе со своими названиями, если мы их не сохраним.

Спросите у своих детей, что такое пресс-папье? Или клякс-папир? Большинство детей, да и взрослых, вам не ответит, ибо пресс-папье или как его еще называли, клякс-папир, давно уже не употребляется и не продается.

Эти вещи вышли из употребления, они не нужны, как не нужны сейчас промокашки, потому что в обиход вошла шариковая ручка.

Раньше же пресс-папье были повсюду: на почте, в конторах, в банках. На всех письменных столах стояли разные пресс-папье: простенькие, дешевые и массивные, дорогие. Все они, полукруглые, снабженные розовыми и белыми промокашками, несли важную промокательную функцию, ими промокали написанные бумаги.

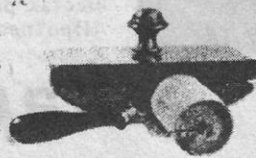
Долгое время все бумаги "наверх" и "вниз" писали от руки, поэтому в старые времена почерку придавали очень большое значение. Писарское умение высоко ценилось. Была даже такая профессия - писарь.

Поройтесь в домашних архивах своих бабушек, посмотрите, каким красивым почерком написаны старинные документы, сколько культуры было в их оформлении. В школах, в начальных классах был введен даже такой пред-

мет - чистописание. Требовалось, чтобы почерк был четкий, понятный и к тому же красивый.

Гусиные перья сменили перьевые ручки. Кажется совсем недавно в школах мы пользовались ими. Но они так быстро исчезли из нашего употребления, что есть опасение, если не соберем их сейчас, детям и внукам нечего будет показать.

Ручки макали в чернильницы. Чернильницы были разные: стеклянные, металлические, из камня и т. д. А в школе на партах стояли фарфоровые невливайки, из которых, если хорошенько встряхнуть, чернила выливались, чем и пользовались озорники. Поэтому в школе моего детства пол в классе, парты и тетради были в кляксах. Пишу и думаю,

Рассказ о старых вещах можно вести бесконечно. Старые вещи достойны памяти и уважения. Задача музея - не дать им исчезнуть совсем.

Проходит год за годом. Сменяются поколения. Но "смеясь" (по выражению К. Маркса) расставаться со своим прошлым мы не имеем права. Наш долг - оставить будущим поколениям память о проходящей жизни - такой, какой она была на самом деле.

Поэтому вновь и вновь мы обращаемся к землякам с просьбой - не выбрасывайте старые вещи. Храните их. Если же они вам мешают или вам захочется, чтобы они обрели новую жизнь в музее, звоните нам в краеведческий отдел музея-заповедника по телефону 4-92-07. Или принесите их по адресу: Аптекарский переулок, 2 (рядом с "Конным двором"). Ждем вас по понедельникам с 10 до 17 часов или в другой день по предварительной договоренности по телефону.

Л. ГИРЛИНА,
зав. краеведческим отделом
музея-заповедника.

Редактор выпуска Лидия ГИРЛИНА